

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

имени М. В. ЛОМОНОСОВА

На правах рукописи

Розинская Наталия Анатольевна

**Институциональные особенности развития аграрного сектора в
Российской империи: вторая половина XIX — начало XX века**

Специальность 5.2.1. Экономическая теория

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

доктора экономических наук

Москва — 2025

Диссертация подготовлена на кафедре истории народного хозяйства и экономических учений экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

- Научный консультант** – *Худокормов Александр Георгиевич – доктор экономических наук, профессор*
- Официальные оппоненты** – *Тимофеева Галина Владимировна – доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Институт государственной службы и управления, факультет государственного управления экономикой, и.о. декана факультета; кафедра экономики и финансов общественного сектора, профессор*
- Хубиев Кайсын Азретович – доктор экономических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», экономический факультет, кафедра политической экономики, профессор*
- Янбых Рената Геннадьевна – доктор экономических наук, доцент, член-корреспондент РАН, профессор РАН, ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт аграрных исследований, отдел аграрной политики, заведующий отделом; базовая кафедра ГК «ЭкоНива», заведующий кафедрой*

Защита диссертации состоится «17» июня 2025 г. в «15» часов «40» минут на заседании диссертационного совета МГУ.052.2 Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова по адресу: 119991, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, МГУ, дом 1, строение 46, экономический факультет, ауд. П-4.

E-mail: msu.052.2.econ@org.msu.ru

С диссертацией можно ознакомиться в отделе диссертаций научной библиотеки МГУ имени М. В. Ломоносова (Ломоносовский просп., д. 27) и на портале: <https://dissovet.msu.ru/dissertation/3333>

Автореферат разослан «___» апреля 2025 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета МГУ.052.2,
доктор экономических наук

Т.В. Гудкова

I. ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

В современной экономической теории институциональное направление получает все большее признание. Последняя Нобелевская премия — 2024 г. — была присуждена за исследование институтов и их влияния на благосостояние людей. Это говорит о сформировавшемся в научной литературе представлении об институтах как об одном из ключевых факторов, воздействующих на экономический рост. Учитывая сложность анализа влияния институтов, которое можно обнаружить только при их рассмотрении на длительных временных промежутках, исследования в области экономической истории являются особенно актуальными. Представляется, что анализ российского опыта был бы полезен для разработки новых подходов в экономической теории.

Российская социально-экономическая история являет собой одно из наиболее перспективных полей исследования, так как в настоящее время, несмотря на огромное количество работ, не существует общепринятой точки зрения по ряду важнейших проблем социально-экономического развития Российской империи во второй половине XIX — начале XX века.

Об успехах модернизации в дореволюционной России писали многие и отечественные, и зарубежные авторы¹. Одним из важнейших их тезисов было утверждение, что после столыпинской реформы ускорился процесс модернизации аграрного сектора, активно шло формирование рыночных отношений, в том числе рынков земли и труда, то есть имел место рост доли частной собственности на землю, сделок с землей, наемного труда.

Схожие процессы можно было наблюдать в Англии, Германии, в определенной степени во Франции и других странах, где переход к рыночным

¹ Миронов Б. Н. Российская модернизация и революция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2019; Давыдов, М.. Двадцать лет до Великой войны: российская модернизация Витте-Столыпина. СПб.: Алетейя. 2016; Грегори П. Экономический рост Российской империи (конец XIX — начало XX в.): Новые подсчеты и оценки. М.: РОССПЭН, 2003.

отношениям начался намного раньше, чем в России. В литературе данный процесс получил название «аграрная революция»².

Степень завершенности аграрной революции/аграрного переворота³ в России, результатом которых должен был стать рост производительности труда и земли, остается предметом научной дискуссии. На каком уровне развития находились рыночные институты в аграрном секторе и прежде всего в крестьянской среде (более 80% населения страны) в России перед Первой мировой войной? На каком этапе находился процесс модернизации крестьянского хозяйства? Было ли оно встроено в рыночные отношения? Как влиял внешний спрос на зерно на процессы модернизации? Как институциональные изменения влияли на неравенство в крестьянской среде? В данный момент, в литературе нет консенсуса относительно ответов по этим вопросам, которые, очевидно, сильно взаимосвязаны друг с другом.

В настоящий момент историческая наука находится на том этапе, когда появилась возможность с помощью количественных методов разрешить многие дискуссионные вопросы, проверяя выдвинутые различными учеными гипотезы. Если в ряде других стран, прежде всего Западной Европы и Северной Америки, этот процесс начался в 70-е годы XX века и с начала XXI века, по сути, стал преобладать в историко-экономических науках, то в России, если не считать попыток отдельных авторов в 1990-е годы использовать количественные методы, этот процесс начинает набирать силы только сейчас.

Применение количественных методов анализа позволит проверить отдельные гипотезы и доказать ряд тезисов, что, как представляется, будет способствовать созданию непротиворечивой основы для комплексного рассмотрения процесса модернизации аграрного сектора.

² Allen R. Tracking the Agricultural Revolution in England // The Economic History Review. New Series. 1999. Vol. 52, No. 2. P. 209–235; 110; Overton M. Agricultural Revolution in England 1500–1850. Cambridge, 2002.

³ Автор статьи считает, что эти термины взаимозаменяемы, так как представляют собой два варианта перевода с английского термина «agrarian revolution», по аналогии с переводом термина «industrial revolution», который иногда переводили как «промышленный переворот», а иногда как «промышленная революция». Но в связи с тем, что в ряде работ отечественные авторы различают понятия «аграрная революция» и «аграрный переворот», о чем будет написано ниже, автор будет использовать термин «аграрный переворот».

Кроме того, исследование проблем неравенства домашних хозяйств имеет прикладное значение, так как интерес к данным темам остается актуальным и на современном этапе. В настоящее время для ученых остаются важными вопросы потенциала, стратегии домашних хозяйств в переходной экономике, степень неравенства между ними.

Большое значение для понимания современной экономики имеет исследование экспорта зерна и его влияние на экономический рост, так как проблема «ресурсного проклятия» по-прежнему актуальна в России и ряде других стран.

Степень разработанности темы

В основу исследования институциональных особенностей развития аграрного сектора в Российской империи во второй половине XIX — начале XX века легли фундаментальные труды отечественных (дореволюционных, советских и постсоветских) и зарубежных авторов, посвященных эволюции российского аграрного сектора в анализируемый период. Среди дореволюционных авторов это, прежде всего, труды В. П. Воронцова, Н. Ф. Даниельсона, А. С. Ермолова, А. А. Кауфмана, В. О. Ключевского, А. А. Кофода, В. И. Курдиновского, В. И. Ленина, П. И. Лященко, Л. Н. Маресса, П. Н. Милюкова, Н. П. Огановского, С. Н. Прокоповича, А. Ф. Фортунатова, А. Н. Челинцева, В. М. Чернова, Н. Н. Черненкова, А. И. Чупрова, А. Н. Энгельгардта. В советское время данные проблемы исследовали А. М. Анфимов, Л. И. Бородкин, В. Г. Громан, В. П. Данилов, С. М. Дубровский, П. Н. Зырянов, И. Д. Ковальченко, Н. Д. Кондратьев, Л. Н. Литошенко, П. И. Лященко, Б. Н. Миронов, А. С. Нифонтов, А. В. Островский, П. Г. Рындзюнский, С. Г. Струмилин, П. А. Хромов, В. К. Яцунский.⁴ В постсоветский период аграрный сектор дореволюционной России анализировали Л. И. Бородкин, М. А. Давыдов, А. В. Ефременко, П. Н. Зырянов, П. С. Кабытов, Т. М. Китанина, И. А. Кузнецов, А. М. Маркевич (А.

⁴ Полные библиографические ссылки на все работы, упоминаемые в автореферате, приведены в диссертации в списке использованных источников.

Markevich), А. Н. Медушевский, Б. Н. Миронов, С. А. Нефедов, А. В. Островский, В. Г. Тюкавин, Н. К. Фигуровская. Из зарубежных авторов стоит выделить работы Р. Аллена (R. Allen), А. Гершенкрона (A. Gerschenkron), П. Грегори (P. Gregory), Д. Филда (D. Fild), Т. Шанина (T. Shanin), М. Харисона (M. Harrison), Д. Аткинсона (D. Atkinson), Р. Бохака (R. Bohac), К. Воробека (C. Worobec), Э. Кингстерн-Мана (E. Kingstern-Mann), К. С. Леонард (C. S. Leonard), С. Нафзигера (S. Nafziger), Р. Пайпса (R. Pipes), Х. Рожера (H. Rogger), Ф. У. Уицисло (F. W. Wcislo).

При сравнительном анализе аграрного сектора в отдельных странах и при формулировании теоретических выводов использованы труды российских и западных экономических историков и экономистов, в том числе представляющих марксистское, институциональное, неоинституциональное направления и Новую экономическую историю, в частности труды Р. Аллена (R. Allen), Д. Аджемоглу (D. Acemoglu), Дж. Робинсона (J. Robinson), Э. Баашата (E. Baasch), М. Вебера (M. Weber), Т. Веблена (T. Veblen), Е. Т. Гайдара, Дж. Голдстуэна (J. Goldstone), А. Грейфа (A. Greif), Р. Камерона (R. Cameron), В. В. Леонтовича, К. Маркса (K. Marx), Б. Милановича (B. Milanovic), А. Мэддисона (A. Maddison), Д. Норта (D. North), К. Переса (C. Pérez), К. Поланьи (K. Polanyi), В. М. Полтеровича, В. В. Попова, С. Уильямсона (C. Williamson), В. Устинова, Я. де Фриса (J. de Vries), М. Харрисона (M. Harrison), Д. М. Ходжсона (G. Hodgson), Л. Амарала (L. Amaral), И. Кассиса (Y. Cassis), Г. Кларка (G. Clark), Д. Муна (D. Moon), Я. Л. Ван Зандена (J. L. Van Zanden), Р. Эдвардса (R. Edwards), Р. Фогеля (R. Fogel), Г. Кута (G. Koot), С. Кузнецца (S. Kuznets), У. У. Ростова (W. W. Rostow), М. У. Ван Леуна (M. Van Leeuwen).

Работ, посвященных институциональной специфике или влиянию институтов на развитие аграрного сектора в России, в исследуемый период в российской и зарубежной литературе довольно мало. Следует назвать, прежде всего, труды Р. М. Нуреева и Ю. В. Латова, где рассматриваются институциональные ограничения развития Российской империи, в том числе

анализируются институты аграрного сектора. В трудах Е. М. Ефимова прослеживается эволюция аграрной институциональной системы России, в том числе и в дореволюционный период. Также можно отметить статью А. Ш. Жвитиашвили, где, опираясь на работы Е. М. Ефимова, автор пытается исследовать институциональную основу российского села.

В современной зарубежной литературе нет произведений, посвященных влиянию институциональной системы на развитие аграрного сектора в России, но есть интересные работы о влиянии институтов на развитие аграрного сектора в других европейских странах. Во всех этих работах ставится вопрос о факторах, способствовавших модернизации аграрного сектора (аграрной революции/аграрному перевороту). Ряд авторов считает, что именно институциональные изменения, то есть реформы, установившие четкие права собственности на землю, запустили модернизацию сельского хозяйства, в частности, М. Олссон (M. Olsson), П. Свенсон (H. Svensson), Р. Веньяж (R. Venyige), К. Люст (K. Lust). Другие авторы оспаривают эту точку зрения и утверждают, что модернизация аграрного сектора началась благодаря повышению спроса на продукцию сельского хозяйства со стороны либо растущих городов, либо внешних рынков, то есть за счет экспорта — У. Фистер (U. Pfister), М. Копсидес (M. Kospides).

В отечественной литературе, посвященной эволюции российского аграрного сектора, похожим образом, но без употребления терминов «институты», «аграрная революция/аграрный переворот», данный вопрос ставился только в дореволюционный период в работах Н. П. Огановского и А. Н. Челинцева. Затем фокус исследователей сместился в сторону проблем, сформулированных в работах представителей марксистского подхода.

Оценка влияния экспорта зерна на социально-экономическое развитие дореволюционной России основывалась на исследованиях А. Гершенкрона (A. Gerschenkron), Т. М. Китаниной, С. Томпсона (S. Thompson), В. А. Золотова, Л. Б. Кафенгауза, Н. Д. Кондратьева, П. И. Лященко, С. А. Нифонтова, Г. Г.

Попова, Е. И. Чибисова, Ю. Ф. Чистякова, Р. Аюти (R. Auty), Э. Барбье (E. Barbier), С. Хабера (S. Haber), В. Меналдо (V. Menaldo), М. Сухара (M. Suhara).

Основанием для анализа крестьянских хозяйств с использованием количественных методов явились работы прежде всего земских статистиков: В. И. Орлова, А. П. Шликевича, В. Г. Громана, Ф. А. Щербины, В. Арнольда, Н. А. Каблукова и др. Достаточно активно и плодотворно земская статистика использовалась представителями организационно-производственной школы А. Н. Челинцевым, Н. П. Макаровым, А. В. Чаяновым. Особняком стоят работы, написанные эмигрировавшими после революции учеными Б. Д. Бруцкусом, С. Н. Прокоповичем. Исследованию основных характеристик крестьянского дохода и потребления посвящены публикации Н. Н. Черненко, который использовал динамические переписи, а также труды по повторным переписям Г. А. Куценко и А. И. Хрящевой. Среди работ постсоветского периода, где для решения рассматриваемых в данной работе проблем использовались количественные методы, можно выделить исследование ученика И. Д. Ковальченко Л. В. Разумова. В западной литературе проблемы российского крестьянского хозяйства рассматривали Дж. Робинсон (J. Robinson), Т. Шанин (T. Shanin), П. Линдерт (P. Lindert), С. Нафziger (S. Nafziger), Х. Лове (H. Lowe), С. Мерл (S. Merl), Д. Филд (D. Fild), Р. Джонсон (R. Johnson), С. Виткрофт (S. Wheatcroft), Д. Мун (D. Moon), С. Хоч (S. Hoch), Дж. Паллот (J. Pallot), С. Вильямс (S. Williams), М. Коспидис (M. Kopsidis).

Таким образом, существует большое количество исследований, посвященных общим и специфическим проблемам развития аграрного сектора дореволюционной России. Благодаря этим работам можно получить всестороннее представление об устройстве и механизмах функционирования его важнейших институтов. В трудах вышеперечисленных авторов был сформулирован ряд важных гипотез. Но эти авторы, как правило, использовали для доказательства своих тезисов методы дедукции, а статистика, причем чаще всего сильно агрегированная, служила лишь в

качестве иллюстрации. В тех случаях, когда рассматривались данные на уровне уездов или микроданные, они также преимущественно использовались только для иллюстрации. Количественные методы не применялись вовсе либо использовались очень ограниченно в виде доступных на тот момент относительно простых методов — парных регрессий, коэффициентов корреляции, базовых описательных статистик. Данные методы позволяли найти определенные корреляционные связи, в то время как современные эконометрические методы дают возможность находить причинно-следственные связи. В результате сформулированные гипотезы не получили научного подтверждения или опровержения.

В работе предпринята попытка проверки сформулированных ранее гипотез на основе современных количественных методов. Для этого, во-первых, рассматривается ряд вопросов на менее агрегированном уровне, а именно на уровне отдельных губерний, уездов и отдельных домохозяйств; во-вторых, проводится количественный анализ этих данных, что позволяет проверить ряд гипотез и представить подтверждения/опровержения по вопросам, которые до сих пор являются дискуссионными, и сделать обобщающие выводы с опорой на полученные результаты. Кроме того, в литературе институты аграрного сектора дореволюционной России преимущественно анализировались по отдельности, а в настоящей работе ставится обобщающий вопрос о первичности институтов для начала модернизации аграрного сектора и предлагается вариант его решения.

Цель исследования - разработать методологические основы исследования институциональных особенностей развития аграрного сектора Российской империи второй половины XIX — начала XX века, позволяющие проверить ряд базовых гипотез, системно представить характеристики и тенденции эволюции аграрных институтов для оценки влияния исторических событий на современную специфику развития аграрного сектора.

Задачи исследования

1. Выявить и раскрыть ключевые признаки институтов, способствующих или сдерживающих социально-экономическое развитие.
2. Выявить теоретические основы концепции «институционального конструктора», предложенной в работе.
3. Провести сравнение модернизации аграрного сектора Российской империи с экономически более развитыми на тот момент странами и со странами, находящимися примерно на одном уровне с Россией для выявления закономерностей и иллюстрации сформулированных в работе тезисов.
4. Выявить и раскрыть специфику трансформации прав собственности на землю, как ключевой системы институтов аграрного сектора в России в конце XIX — начале XX века.
5. Оценить динамику изменений показателей в аграрном секторе дореволюционной России при переходе от традиционного общества к обществу современного экономического роста и сравнить этот процесс с другими странами.
6. Выявить региональные различия в процессе модернизации аграрного сектора в России в конце XIX — начале XX века.
7. Оценить степень влияния экспорта зерна на модернизацию аграрного сектора, развитие рыночных отношений и ход аграрного переворота.
8. Проверить гипотезу Чаянова — Кондратьева об инерционности крестьянских хозяйств. Сравнить рыночность поведения крестьянских хозяйств и частновладельческих.
9. Проанализировать бюджеты крестьянских хозяйств в отдельных уездах и выявить общие и специфические особенности с точки зрения развитости рыночных институтов.
10. Оценить уровень неравенства среди крестьянских хозяйств на микроуровне, на уровне уездов и на уровне губерний в период после аграрной реформы П. А. Столыпина.

Объект исследования. Объектом исследования выступает аграрный сектор Российской империи второй половины XIX — начала XX века.

Предмет исследования. Предметом исследования являются институциональные особенности развития аграрного сектора в России в конце XIX — начале XX века.

Новизна работы

1. В работе выделены и охарактеризованы социально-экономические институты стабильности и институты развития. В отличие от существующих в литературе классификаций институтов, где используется дихотомия хорошие институты - плохие институты (эффективные/неэффективные, инклюзивные/экстрактивные, эволюционные/консервативные), данное разделение в качестве критерия использует влияние института на устойчивость институциональной системы.

2. В сравнении с имеющимися подходами предложенная в работе концепция «институционального конструктора/пазла», во-первых, предусматривает различные способы сочетания институтов стабильности и институтов развития, что становится основой для различия социально-экономических систем, во-вторых, предполагает определенное сочетание институтов стабильности и институтов развития, формирующее социально-экономическую систему, не представляет собой данность, из которой невозможно вырваться.

3. Проведено сравнение эволюции аграрного сектора Российской империи не только со странами, лидировавшими в экономическом развитии, но и с отстающими от лидеров странами, в частности с Испанией. Представлено комплексное сравнение, которое позволило сделать выводы о том, что в XIX — начале XX века из европейских стран Испания имела наиболее сходные с Россией структуру экономики, институциональную систему, исторические тренды и похожие проблемы (национальные, идеологические, политические и др.). Кроме того, были выявлены различия, которые привели к различным исходам в гражданских войнах в этих странах.

4. Предложена периодизация процесса формирования прав собственности на землю для непривилегированных сословий в Российской империи. В качестве критерия периодизации было выбрано формальное определение частной собственности как пучка прав на владение, распоряжение и использование данной собственности, что позволило выделить этапы развития частной собственности на землю в дореволюционной России.

5. Выполнена проверка гипотезы П. Грегори о переходе России к современному экономическому росту в конце XIX века и сделан вывод о незавершенности такого перехода, то есть в этот период не произошли достаточные изменения институциональной системы для перехода на более высокую степень развития.

6. Опровергнута широко распространенная гипотеза о положительном влиянии экспорта зерна на развитие промышленности в Российской империи. Коэффициент коррекции ошибки (ECT), тесты на коинтеграцию (долгосрочная связь) (Bound test, тест Йохансена), тест Грэйнджера показали, что между экспортом зерна и промышленным ростом существовала долгосрочная отрицательная корреляция. Особенно стоит отметить наличие отрицательной связи экспорта зерна с ростом в таких отраслях, как сельхозобработка, мукомольная, пищевая промышленность. Полученные результаты опровергают распространенный в западной литературе тезис о том, что главной причиной аграрной революции/аграрного переворота был рост спроса на аграрную продукцию на внешних или внутренних рынках.

7. Впервые с помощью регрессионного анализа, в частности, несимметричной авторегрессионной динамической модели (ARDL), была выявлена значимая отрицательная связь между экономическим ростом и рентой от экспорта зерна, что является доказательством применимости термина «ресурсное проклятие» к ситуации в дореволюционной России.

8. Эконометрически подтверждена гипотеза Чаянова — Кондратьева об инерционности (нерыночном поведении) крестьянских хозяйств: используя динамическую модель Ареллано — Бонда (метод обобщенных моментов для панельных данных), была оценена рыночная реакция крестьян на изменение цен на зерно на уровне 50 российских губерний и отдельно для Херсонской губернии. Результаты анализа подтвердили наличие неформальных институтов (система ценностей крестьян, мотивация крестьян), которые дестимулировали крестьян увеличивать количество труда при росте цен на производимые ими товары.

9. Сформулированы институциональные особенности развития аграрного сектора в России в конце XIX — начале XX века. Показана неоднозначная роль государства, экспорта зерна, существующей в исследуемый период системы ценностей основной массы населения (крестьянства) в процессе трансформации крестьянского хозяйства – базового института социально-экономической системы дореволюционной России.

10. Выявлено значительное ускорение процесса расслоения российских крестьян в период после столыпинской аграрной реформы. Результат получен с помощью статистического и регрессионного анализа. Доказано, что количество наделных земель продолжало играть значительную роль в сдерживании процессов расслоения: коэффициент при переменной «количество общинных земель» оказался отрицательным и статистически значимым, то есть была подтверждена обратная (отрицательная) связь между количеством общинных земель и неравенством.

Теоретическая значимость работы обусловлена тем, что исследование специфики развития аграрного сектора в Российской империи позволяет закрыть ряд пробелов в исторической науке. Кроме того, теоретическая значимость состоит в возможности использования разработанной автором концепции институционального конструктора для развития теоретических положений новой экономической истории.

Практическая значимость работы состоит в возможности ее использования для создания обобщающих трудов по истории аграрного сектора и истории модернизации России. Фактический материал и научные результаты диссертации могут быть использованы при написании монографий, научно-популярных работ, в учебном процессе — при написании учебных пособий, при подготовке лекций к соответствующему курсу истории Отечества, экономической истории России, а также при проведении семинаров в различных исторических курсах. Кроме того, предложенные теоретические положения и выявленные исторические закономерности могут применяться в формулировании положений для государственной политики в области экономического развития в странах с переходной экономикой.

Методологическая и теоретическая основа исследования.

Авторская позиция по разрабатываемой теме складывается на основе исследований отечественных и зарубежных ученых, посвященных вопросам развития и модернизации экономики. Особенно полезными оказались теории, разработанные представителями марксистского, институционального, неинституционального направлений и Новой экономической истории, представленные в трудах Д. Аджемоглу (D. Acemoglu), М. Вебера (M. Weber), Т. Веблена (T. Veblen), К. Маркса (K. Marx), Б. Милановича (B. Milanovic), С. Кузнецца (S. Kuznets), Д. Норта (D. North), К. Поланьи (K. Polanyi), В. М. Полтеровича, В. В. Попова, У. У. Ростоу (W. W. Rostow).

Методологической основой работы является институциональный подход, который позволяет исследовать влияние отдельных институтов на динамику социально-экономических процессов в дореволюционной России.

Кроме того, при проведении анализа автор руководствовался принципом историзма, который предполагает исследование исторических фактов и явлений в конкретных исторических условиях, в неразрывной связи с прошлым и потенциальным будущим, с учетом взаимосвязи и взаимообусловленности изучаемых событий. Также был применен историко-

генетический метод, который позволяет определить логическую и содержательную взаимосвязь событий во времени. Еще стоит отметить проблемно-хронологический метод, который использовался для разделения относительно широкой темы на ряд более узких проблем, каждая из которых рассматривалась в хронологическом порядке.

Помимо качественных методов в работе были использованы и количественные методы. Для рассмотрения крестьянских хозяйств применялся статистический и регрессионный анализ, в частности модели многофакторной регрессии, модель стохастической границы, многофакторный и кластерный анализ. Для оценки реакции крестьян на изменения цен на зерно использовалась динамическая модель Ареллано — Бонда (метод обобщенных моментов для панельных данных). Для количественной оценки неравенства были применены методы графического анализа, расчет индексов Джини, комплексный многофакторный статистический и эконометрический анализ, в частности многоуровневой модели (MLM). Для оценки влияния экспорта зерна на модернизационные процессы рассчитывался коэффициент коррекции ошибки (ЕСТ), проводились тесты на коинтеграцию (долгосрочная связь) (Bound test, тест Йохансена) и тест Грэйнджера, оценивались векторная модель коррекции ошибки (VECM — долгосрочное влияние и возможности возврата к долгосрочному равновесию) и несимметричная авторегрессионная динамическая модель (ARDL) для временных рядов.

Информационной базой исследования послужили монографии и статьи видных российских и зарубежных ученых, нормативно-правовые акты Российской империи. Исследование базируется на широком привлечении статистических сборников, выпущенных как органами государственной статистики России, так и статистическими отделами земских управ. Подробное описание источников дается в параграфе 1.3.

Положения, выносимые на защиту:

1. В основе традиционных обществ лежат институты стабильности; в основе общества современного экономического роста — институты развития. Примерами институтов первого рода являлись крестьянская община, круговая порука, система наделных земель. В современном обществе это система минимальной заработной платы, пенсионная система, пособия по безработице и др. То есть институты стабильности — институты, которые позволяют поддерживать определенный жизненный уровень. Институты второго рода — частная собственность, конкуренция во всех ее видах (на рынках капитала, рабочей силы, земли, технологий) и на всех уровнях (между индивидами, предприятиями, странами), культура доверия, системы образования, то есть институты, которые через либо позитивные, либо негативные сигналы создают мотивацию для более интенсивного труда.

2. Различная структура институционального конструктора/пазла ведет к различным экономическим последствиям, развивает или тормозит экономику. Показано, что стабильность социально-экономической системы в течение определенного промежутка времени не тождественна ее упадку или деградации; стабильное развитие обеспечивается сбалансированным сочетанием институтов стабильности и развития. При этом сама структура институционального конструктора/пазла в определенной степени зависит от уровня развития технологий, климатических, географических и геополитических условий.

3. Социально-экономическая система Испании имела достаточно много общих с российской черт, что позволило проводить сравнительный анализ, который показал: выявленные различия могли быть причиной различных исходов гражданских войн в сравниваемых странах — Испании и России. Среди таких причин можно выделить, с одной стороны, более высокие темпы роста дифференциации крестьянства в России и, с другой стороны, наличие среднего класса в аграрном секторе в большинстве испанских регионов.

4. Формирование прав собственности на землю в России для непривилегированных сословий прошло ряд этапов: от усиления ограничений, достигших пика с введением дворянской монополии на владение землей, до введения и постепенного упрочения крестьянской частной собственности на землю. В качестве критерия периодизации использовалось формальное определение частной собственности как пучка прав на владение, распоряжение и использование данной собственности, что позволило выделить этапы развития частной собственности на землю в дореволюционной России.

5. В дореволюционный период Россия не перешла к современному экономическому росту, что подтверждается результатами анализа статистических показателей развития аграрного сектора в исследуемый период. Была выполнена проверка соответствия показателей развития аграрного сектора Российской империи исследуемого периода критериям современного экономического роста, разработанным С.Кузнецом. Проверка показала, что российские показатели не соответствуют этим критериям, то есть гипотеза П. Грегори о переходе России к современному экономическому росту в конце XIX века не подтвердилась.

6. Между экспортом зерна и промышленным ростом в течение исследуемого периода существовала долгосрочная отрицательная корреляция. Экспорт зерна консервировал сложившуюся институциональную систему и не стал драйвером модернизации аграрного сектора, как это было в ряде других стран (Англия, Испания).

7. Термин «ресурсное проклятие» применим к ситуации в дореволюционной России, так как существует значимая отрицательная связь между экономическим ростом и рентой от экспорта зерна. Эконометрический анализ показал зависимость экономического развития России в исследуемый период от колебаний мировых цен на зерно. Периоды высоких цен обеспечивали рост доходов и относительную стабильность, но любое снижение цен на мировых рынках могло привести к серьёзным экономическим

потрясениям, что позволило сделать вывод о применимости термина «ресурсное проклятие».

8. Основным мотивом хозяйственной деятельности крестьян была свойственная традиционным обществам ориентация на удовлетворение основных потребностей, а не на прибыль. С помощью эконометрического анализа было выявлено, что в ситуации повышения цен на зерно, крестьяне не увеличивают запашку для увеличения своего дохода от роста цен, а наоборот сокращают, так как, в соответствии с гипотезой А.В.Чаянова, при выросших ценах они могут удовлетворять свои потребности при продаже меньшего количества зерна.

9. Институциональные особенности развития аграрного сектора в России в конце XIX — начале XX века проявились в том, что политика государства, большое разнообразие форм собственности на землю, значительное разнообразие регионов, существующая система ценностей, наличие фонда свободных земель отрицательно влияли на сбалансированность институтов развития и институтов стабильности, что неоднозначно влияло на трансформации крестьянского хозяйства – базового института социально-экономической системы дореволюционной России.

10. Существовало значительное ускорение процесса расслоения российских крестьян в период после столыпинской аграрной реформы. Расчет индексов Джини по двум периодам (в конце XIX и в 1910-х гг.) показал значительный рост неравенства среди крестьянства во втором периоде по сравнению с первым. Эконометрический анализ позволил выявить, что одним из значимых факторов, влияющий на рост неравенства, было количество наделных земель, что позволило сделать вывод о наличии связи между ростом неравенств и аграрной реформой П.А.Столыпина

Степень достоверности результатов

Диссертационное исследование базируется на новейших достижениях современной экономической теории, и, прежде всего, используются подходы новой экономической истории и клиометрики.

Основой для проведенного исследования явились эмпирические количественные данные, опубликованные в открытых источниках. Собранная и оцифрованная информация проанализирована с помощью экономико-статистических и эконометрических методов и дополнена качественными данными, полученными при помощи техник аналитической интерпретации.

Основные результаты и приводимые в диссертации положения отражены в публикациях в ведущих российских и зарубежных рецензируемых научных изданиях и представлялись на международных научных конференциях.

Соответствие диссертации научной специальности

Содержание диссертационного исследования соответствует следующим направлениям исследований научной специальности 5.2.1. Экономическая теория: 7. Экономическая история, 13. Институциональные исследования в экономической науке.

Апробация работы:

1. Основные положения используются в учебном процессе в МГУ им. М. В. Ломоносова при преподавании следующих учебных курсов для бакалавров — «Экономическая история», «История России», для магистров — в преподавании спецкурсов по «Новой экономической истории». В учебном процессе используются авторские опубликованные учебные пособия.

2. Методологические и научные положения и рекомендации, созданные в процессе исследования, были апробированы в виде докладов и выступлений на международных конференциях и семинарах, в том числе: Неравенство крестьян в дореволюционной России (устный). Международная ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения-2024. Секция экономических наук» на тему: «Человеческий и социальный капитал России: новые вызовы и возможности», Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, 17-19 апреля 2024.

Инерционность крестьянских хозяйств в дореволюционной России (устный). V Российский экономический конгресс, г. Екатеринбург, Россия, 11–15 сентября 2023.

«Инерционность крестьянских хозяйств и социальные кризисы» (устный), Международная ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2022». Секция экономических наук: «Наука и искусство экономической политики в кризисных условиях». Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, 18–20 апреля 2022 г.

«Эмпирическая проверка гипотезы русских экономистов нач. XX века о причинах низкой товарности крестьянского хлеба» (устный), Ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2021». Секция экономических наук: «Поколения экономических идей. Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, 20–23 апреля 2021 г.

«Влияние хлебного экспорта на развитие промышленности Российской империи в конце XIX — начале XX века...» (устный), Четвертый Российский экономический конгресс (РЭК-2020), Москва, Россия, 21–25 декабря 2020 г.

«Изучение субъективного неравенства экономистами: основные направления и тенденции». Четвертая ежегодная научная конференция консорциума журналов экономического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова, Экономический факультет МГУ имени М. В. Ломоносова, Россия, 3 ноября 2020 г.

Socio-economic reasons for the different outcome of the Russian and Spanish civil wars. DEGIT — XXIV, Оденсе, Дания, 22–23 августа 2019 г. 2019 г. «Новые подходы исследования дифференциации крестьян: многомерный статистический анализ по материалам земских обследований в Симбирской губернии». Международная ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения — 2019». Секция «Экономические науки». Москва, МГУ, Россия, 15–19 апреля 2019 г.

«The Social and Economic Causes of the Various Outcomes of the Russian and the Spanish Civil Wars». XVIII World Economic History Congress. Бостон, США, 30 июля — 3 августа 2018 г.

3. По теме диссертации опубликовано 25 работ. В том числе 15 статей, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ им. М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук (общий объем — 20,07 п. л., личный вклад — 13,65 п. л.). Из них: 10 статей (общий объем — 14,22 п. л., личный вклад автора — 8,7 п. л.) в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в наукометрических базах данных Scopus и Web of Science (в том числе 6 статей в рецензируемых научных изданиях, входящих в Q1 Scopus), 2 статьи (общий объем — 2,6 п. л., личный вклад автора — 1,7 п. л.) в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в наукометрической базе данных Russian Science Citation Index (RSCI), 3 статьи (общий объем — 3,25 п. л., личный вклад автора — 3,25 п. л.) по теме диссертации в рецензируемых научных изданиях, утвержденных Ученым Советом МГУ имени М. В. Ломоносова по экономическим специальностям. Две базы данных статистических показателей, зарегистрированные Патентным ведомством России^{5,6}.

Объем и структура диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных источников, списка терминов и приложений. Объем диссертации составляет 426 страниц, включает 64 таблицы, 24 рисунка (графики и карты), 11 приложений, список использованных источников содержит 507 наименований.

⁵ Сорокин А. С., Розинская Н. А., Чаплыгина И. Г. База данных показателей посевных площадей и урожайности основных зерновых культур по губерниям Российской империи за период с 1881 по 1913 г. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023623372, 06.10.2023. Заявка от 22.09.2023.

⁶ Розинская Н. А., Артамонов Д. В. База данных статистических показателей бюджетов крестьянских хозяйств по пяти регионам Российской империи за период с 1906 по 1911 г. Свидетельство о регистрации базы данных RU 2023623447, 13.10.2023. Заявка от 02.10.2023.

Структура работы

Введение

Глава 1. Теоретические основы исследования институциональных особенностей аграрного сектора дореволюционной России.

- 1.1. Теоретические концепции перехода от традиционного общества к обществу современного экономического роста
- 1.2. Концепция институционального конструктора
- 1.3. Анализ статистической базы исследования

Глава 2. Исторический опыт перехода от традиционного общества к обществу современного экономического роста: институциональные особенности отдельных стран

- 2.1. Влияние прав собственности на землю на развитие аграрного сектора в странах ранней модернизации: Англии и Голландии
- 2.2. Влияние прав собственности на землю на развитие аграрного сектора в странах несостоявшейся ранней модернизации: Испания и Португалия
- 2.3. Институциональная основа крестьянского землевладения в России

Глава 3. Переход России от традиционного общества к обществу современного экономического роста на рубеже XIX–XX вв.

- 3.1. Оценки уровня социально-экономического развития России на основе агрегированных показателей
- 3.2. Анализ соответствия институциональным критериям перехода на региональном уровне: права собственности, рыночные институты
- 3.3. Исследование интенсивности и эффективности ведения хозяйства в аграрном секторе на региональном уровне

Глава 4. Спрос на зерно и институциональные особенности российского аграрного сектора

- 4.1. Влияние экспорта зерна на социально-экономическое развитие России в исследуемый период: эмпирический анализ
- 4.2. Каналы влияния: институциональный анализ
- 4.3. Сравнительный анализ реакции крестьянских и частновладельческих хозяйств на изменение рыночной конъюнктуры

Глава 5. Институциональные особенности социально-экономического развития дореволюционной России: анализ крестьянских домохозяйств

- 5.1. Микроанализ крестьянского хозяйства на примере регионов Российской империи
- 5.2. Детерминанты неравенства крестьян в дореволюционной России
- 5.3. Дифференциация крестьянства на примере регионов Российской империи
- 5.4. Влияние аграрной реформы П. А. Столыпина на дифференциацию крестьянских хозяйств

Заключение
Список терминов
Список использованных источников
Приложения

II. ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ВЫВОДЫ РАБОТЫ

1. Рассмотрение характеристик социально-экономической системы с точки зрения институтов развития и стабильности позволил выявить две базовые модели функционирования общественных систем — традиционное общество и общество современного экономического роста. Две базовые модели социально-экономических систем формируются в зависимости от того, преобладают ли институты стабильности либо институты развития.

Социально-экономические системы, где преобладают институты стабильности, можно назвать обществами неконкурентными или традиционными, а системы с преобладанием институтов развития — конкурентными обществами (обществами развития, модернизированными обществами). Примерами институтов первого рода являлись крестьянская община, круговая порука, система наделных земель, культура доверия. В современном обществе это система минимальной заработной платы, пенсионная система, пособия по безработице и др. Иными словами, институты стабильности суть институты, которые позволяют поддерживать определенный (стабильный) жизненный уровень и устойчивость системы. Институты второго рода — частная собственность, конкуренция во всех ее видах (на рынках капитала, рабочей силы, земли, технологий) и на всех уровнях (между индивидами, предприятиями, странами), системы образования и т.д., то есть институты, которые через либо позитивные, либо негативные сигналы создают мотивацию для более интенсивного труда.

Для картины мира традиционного общества, где преобладают институты стабильности, характерен отказ от идеи развития в пользу концепции неизменности, цикличности жизни. Важнейшее значение имеет поддержание существующего порядка: всякое изменение несет риск нестабильности и угрожает общественному статусу сложившихся социальных групп. Как известно, в древних обществах обычай мог быть поколеблен только ссылкой на более старый обычай.

2. Общество рассматривается в работе не просто как совокупность институтов, но как их система, как институциональный конструктор, или институциональный пазл, предусматривающий различные способы сочетания как институтов стабильности, так и институтов развития. Для устойчивости общества необходимо соответствие институтов (как элементов институционального конструктора) друг другу, технологическому уровню, климатическим и географическим условиям. Ослабление институтов стабильности и усиление институтов развития приводило к упадку традиционных обществ. Пример данного явления — трансформация институциональной системы в Нидерландах в XV–XVI веках.

Напротив, в обществе современного экономического роста институты развития преобладают над институтами стабильности; институты развития ответственны за шумпетеровское «созидательное разрушение»,двигающее экономику и общество вперед. Если по какой-либо причине институты развития ослабевают, общество начинает стагнировать. Примером этого является социально-экономическая история Венеции в XVI–XVIII веках и Нидерландов в XVII–XVIII веках.

3. Для выявления российской специфики развития аграрного сектора рассматривается процесс аграрной модернизации в странах, прошедших модернизацию раньше России, а также в странах, чей уровень развития и социально-экономические условия в исследуемый период были похожи на российские. В частности, проведено сравнение эволюции аграрного сектора Российской империи с Испанией.

Для выявления этапов развития сельского хозяйства в диссертации исследуется эволюция аграрного сектора в Англии, представляющая собой классический кейс аграрного переворота. Проведено также сопоставление с развитием аграрного сектора в Нидерландах — стране, которая первой перешла к экономике современного экономического роста. Выявленные в ходе исследования модернизации аграрного сектора в Англии и Нидерландах закономерности позволили более четко сформулировать понятия «аграрная

революция/аграрный переворот» и проверить теоретические положения Саймона Кузнеця о критериях перехода страны к современному экономическому росту.

Помимо Англии и Нидерландов в работе рассматривается эволюция аграрного сектора стран догоняющего развития — Испании и Португалии. Сопоставление с Испанией в контексте настоящей работы имеет особое значение. К концу XIX века Испания приходит аграрной страной с комплексом проблем, в определенной степени похожим на тот, который имел место в Российской империи, что сделало возможным сравнительный анализ. Схожесть черт подробно описывается в параграфе 2.2. Главная из этих черт состоит в том, что в обеих странах до XIX века не возникало экономически обусловленного спроса на институциональные изменения, способные решить проблему аграрного перенаселения. Не случайно, в связи с этим характерное для России и Испании замедленное развитие капитализма и четко обозначившееся в XIX веке отставание обеих стран не только от лидера (Англии), но и от большинства европейских стран — Франции, Германии, Швеции, Нидерландов. В XIX — начале XX века из европейских стран Испания имела наиболее сходные с Россией структуру экономики, институциональную систему, исторические тренды и похожие проблемы (национальные, идеологические, политические и др.), что делает весьма интересным сравнительный анализ аграрных секторов двух стран, так как позволяет сформулировать гипотезы относительно причин различных исходов в гражданских войнах в России и в Испании.

Проведенный анализ развития аграрного сектора в развитых странах и странах догоняющего развития позволил выделить принципиальные отличия традиционного общества и общества современного экономического роста, более четко определить механизм трансформации и модернизации социально-экономических систем.

Важным, в связи с этим, представляется тот факт, что механизм модернизации запускается государством. В Западной Европе период

модернизации начинается с появления национальных государств, которые активно конкурируют между собой и последовательно разрушают институты стабильности, создавая институты развития. Именно государство, реформируя аграрный сектор, создает условия для формирования рынков факторов производства (рынок труда и рынок земли).

Сравнительный анализ также показал, что аграрный переворот — это комплекс институциональных, технологических и социальных изменений в аграрном секторе. Прежде всего, речь идет о формировании четких прав собственности на землю (институциональный аспект). Условная, или феодальная, форма собственности, при которой права собственности распределены между различными субъектами, как минимум двумя — крестьянином, который обрабатывает землю и распоряжается частью дохода, и землевладельцем, который имеет право на часть дохода и право (возможно, ограниченное) распоряжаться землей, — трансформируется в частную собственность. Для последней характерно соединение прав владения, распоряжения и использования у одного субъекта. Важным следствием этого является формирование рынка земли.

Вторым признаком аграрного переворота являются технологические изменения в процессе хозяйствования: переход от трехполья к плодосменному (сложному) севообороту и соединение растениеводства (земледелия) с животноводством.

Институциональные и технологические изменения способствуют значительному росту производительности труда в аграрном секторе и, как следствие, высвобождению трудовых ресурсов, то есть образованию в сельском хозяйстве излишка рабочей силы. Крестьяне вынуждены покидать села и перебираться в города. Чаще всего это были младшие сыновья в больших семьях. Это вело к социальным переменам в обществе, так как сельские жители, перебирающиеся в города, начинали формировать там рынок рабочей силы.

Аграрный переворот имел национальные особенности, прежде всего в области формирования прав собственности на землю для возможности ее свободной купли-продажи. В разных странах права собственности были определены в пользу разных субъектов: в Англии и Португалии — в пользу дворян, в Голландии и Испании — в пользу крестьян.

4. Авторская периодизация прав собственности на землю для непривилегированных сословий в России позволила выявить ряд этапов в эволюции этого процесса. Для исследования проблем, которые ставятся в диссертации, необходимо было проанализировать не только рассматриваемый период, но и предысторию вопроса. Так как объем не позволяет изложить весь процесс эволюции, результаты приводятся в виде таблицы (Таблица 1).

Таблица 1. Основные этапы эволюции земельных прав для податных сословий

1.	1624, 1636, 1646 гг.	Законы, ограничивающие права крестьян продавать землю тем, кто не платил земельные налоги
2.	1649 г.	Соборное уложение закладывает основы для лишения помещичьих крестьян правосубъектности. Права на землю для черносошных крестьян не изменились
3.	1700 г.	Разрешение черносошным крестьянам продавать землю без ограничений
4.	1752 г.	Манифест Императрицы Елизаветы Петровны о Валовом (Генеральном) межевании — начало регулярного межевания земель
5.	1762 г.	Манифест о вольности дворянства — расширение прав дворян на земельную собственность
6.	1760-е годы	Законы, запрещающие государственным крестьянам, купцам совершать сделки с земельными имуществами
7.	1781 г.	Грамота на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства — окончательное установление дворянской монополии на владение землей

Продолжение Таблицы 1.

8.	1801 г.	Появление права частной собственности на землю для купцов, мещан и государственных крестьян; разрушение дворянской монополии на владение землей
9.	1837 г.	В рамках реформы государственных крестьян у последних появляется право иметь наследственный нераздельный участок земли; удельными крестьянами дали право иметь землю на правах частной собственности
10.	1848 г.	Появление права у крепостных крестьян покупать землю, но только с разрешения помещика
11.	1861 г.	Отмена крепостного права — бывшие крепостные теперь могут покупать землю без разрешения помещика. Надельные земли должны быть выкуплены у помещика; после выкупа надельные земли остаются в собственности общины
12.	1906 г.	В рамках аграрной реформы Столыпина крестьяне получают право частной собственности на землю, но со значительными ограничениями

Источник: составлено автором.

В работе показаны, во-первых, как формировалась монополия дворян на владение землей, лишавшая права владения землей непривилегированные сословия, и, во-вторых, процесс трансформации этой монополии и постепенное расширение прав владения землей для других сословий. В результате анализа делается вывод, что на протяжении всего рассматриваемого периода государство по отношению к крестьянскому и другим непривилегированным сословиям поддерживало и укрепляло такие права, как пользование (прежде всего коллективное), но старалось ограничивать права владения и распоряжения. Это было связано с тем, что первое (право пользования) способствовало стабильности социально-экономической системы, в то время как свободное право владения и право распоряжения землей вело к перераспределению ресурсов, которое не могло не привести к росту неравенства. При определенных обстоятельствах это могло способствовать развитию, но в рамках традиционного общества скорее

вело к нарушению сложившегося уклада и соответствующим негативным социальным последствиям, которые правительство до последнего пыталось избежать.

5. Статистическая проверка гипотезы П. Грегори о переходе России к современному экономическому росту в конце XIX века позволила сделать вывод о незавершенности такого перехода. Анализ статистических данных выявил несоответствие российской экономической действительности критериям, сформулированным в теоретической части работы.

Для правильной оценки степени завершенности аграрного переворота в столь огромной и многообразной стране, как дореволюционная Россия, необходимо рассматривать экономические показатели на региональном уровне. Поэтому степень развития аграрного сектора России исследуется как на макроуровне, так и на уровне отдельных губерний для учета региональной специфики. В работе последовательно рассматриваются критерии завершенности аграрного переворота как общие для всех губерний характеристики, так и региональные особенности. При этом акцент делается на правах собственности на землю и влиянии данного института на развитие аграрного сектора в регионе.

В результате анализа сформулирован вывод о продолжавшемся доминировании в аграрном секторе Российской империи до начала Первой мировой войны институтов стабильности, как формальных — община, система наделных земель, так и неформальных — отношения крестьян к частной собственности на землю. При том, что государство активно поощряло индустриализацию и отдельные институты развития (относительно свободные рынки труда, капитала, земли) посредством реализации аграрных реформ.

6. Опровергнута широко распространенная гипотеза о положительном влиянии экспорта зерна на развитие промышленности в Российской империи. В работе анализируется влияние экспорта зерна на социально-экономическое развитие дореволюционной России. Данное исследование проводится для проверки распространенной точки зрения о том,

что не институциональные изменения, а спрос на сельскохозяйственную продукцию через положительное влияние на промышленность способствовал началу аграрного переворота.

Анализ начинается с построения обычной модели ARDL и ее нелинейного аналога NARDL. Далее необходимо провести коинтеграционный тест, который обычно делается после оценки модели NARDL. В литературе по временным рядам предлагается несколько тестов на коинтеграцию, которые используются при различных предположениях. В частности, проведен тест Йохансена, который является классическим асимптотическим тестом и широко используется в прикладных работах. К сожалению, относительно короткие временные ряды не позволяют делать однозначные выводы на основе асимптотического теста, поэтому используются тесты, которые действительны для небольших выборок. А именно, в работе используется Bound Test Песарана.

Сначала необходимо проверить, являются ли переменные в данных стационарными. При этом используются расширенный тест Дикки — Фуллера (далее ADF) и тест Филлипа — Перрона (FP), порядок запаздывания которых определяется информационным критерием Акаике. В литературе предполагается, что при наличии неучтенных структурных разрывов обычное тестирование ADF может не отвергнуть нулевую гипотезу единичного корня, в то время как данные на самом деле стационарны. Поэтому мы используем модифицированный тест на единичный корень ADF, который при более слабых предположениях остается верным и устойчивым к неправильной спецификации, вызванной структурными нарушениями. Результаты подтверждают стационарность рядов в первых разностях. Таким образом, все переменные берутся в первых разностях.

Так как ряды стационарны в первых разностях, можно оценить ARDL. В качестве зависимой переменной берется индекс Сухары (переменная `diff.Suhara` ниже), а внешних регрессоров — рассматриваются импорт (переменная `diff.Import`) и логарифм объема экспорта зерна в пудах

(переменная $\text{diff.log.PQ_Gr_exp}$, берется логарифм экспорта зерна, так как это уменьшает критерии Акаике). Используя критерии Акаики, выбираем модель с 3 лагами для каждой переменной. Затем модель тестируется на автокорреляцию.

Bound тест дает значение $p = 0,08$, поэтому гипотеза об отсутствии коинтеграции не отвергается.

Этот результат можно объяснить неправильной спецификацией, поэтому на следующем этапе оценивается модель NARDL. NARDL может в определенных случаях дать лучше результат, чем ARDL, так как она обеспечивает более гибкую функциональную форму, покрывающую возможность асимметрии в краткосрочных и долгосрочных периодах. В прикладной литературе по временным рядам часто используется модель NARDL, поскольку она раскрывает влияние независимых переменных на зависимые переменные как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе⁷. Однако если влияние отдельных компонентов объясняющей переменной оказывается идентичным, модель NARDL становится традиционной симметричной моделью ARDL. Прежде всего, модель NARDL учитывает возможную коинтеграцию в одном уравнении. Вывод в рамках NARDL не зависит от асимптотических результатов и возможен в небольших выборках.

Идея этой модели заключается в следующем. Учитывая внешнюю переменную X_t^- , мы переходим к ее первым разностям ΔX_t^- и определяем $X_t^+ := \sum_{i=1}^t \max(\Delta X_t^-, 0)$, $X_t^- := \sum_{i=1}^t \min(\Delta X_t^-, 0)$. (1)

Эти новые переменные считаются внешними переменными в модели типа ARDL. По критериям Акаики выбирается модель с зависимой

⁷ Liu H., Wang J., He T., Becker S., Zhang G., Li D., Ma X. Butyrate: A Double-Edged Sword for Health? // Adv Nutr. 2018. Jan 1. No. 9(1). P. 21–29; Qamruzzamana Md., Jianguo W. The asymmetric relationship between financial development, trade openness, foreign capital flows, and renewable energy consumption: Fresh evidence from panel NARDL investigation // Renewable Energy. 2020. Vol. 159. October. P. 827–842; Sarkodie S., Adams S. Electricity access, human development index, governance and income inequality in Sub-Saharan Africa // Energy Reports. 2020. Vol. 6. November. P. 455–466.

переменной с одним лагом (переменная diff.Suhara), внешние переменные без лагов (переменные $\text{diff}(Q_Gr_exp)_n$, $\text{diff}(Q_Gr_exp)_p$) и линейный тренд (Таблица 2).

Таблица 2. Результаты оценки модели NARDL

=====	
(Intercept)	1.649 (1.280)
$L(\text{diff.Suhara}, 1)$	-1.227*** (0.160)
$\text{diff}(Q_Gr_exp)_p$	7.821e-06 (5.923e-06)
$\text{diff}(Q_Gr_exp)_n$	-2.269e-05** (6.401e-06)
Trend	-1.467** (0.410)

Источник: составлено автором.

Тест на автокорреляцию показал отсутствие автокорреляции в модели.

Тест на коинтеграции Пирсона, Шина, Смита дает F-статистику = 15,499, что превышает критическое значение 1% I (1), поэтому можно сделать вывод о наличии коинтеграции.

Таблица 3. Результаты оценки долгосрочных коэффициентов

=====	
$\text{diff}(Q_Gr_exp)_p$	6.376e-06 (4.691e-06)
$\text{diff}(Q_Gr_exp)_n$	-1.849e-05*** (5.246e-06)
Trend	-1.195*** (0.320)

Источник: составлено автором.

Из Таблицы 3 видно, что коэффициент при отрицательной нарастающей сумме является отрицательным и значимым, а коэффициент при положительной нарастающей сумме — незначимым. С учетом того, что тесты показали наличие коинтеграции, можно сделать вывод о значимой связи между экспортом зерна и промышленным ростом. При этом видно, что в периоды роста доходов от хлебного экспорта не наблюдается промышленного

роста, а в периоды, когда доходы от хлебного экспорта сокращаются, уменьшается и промышленный рост. Встает вопрос, можно ли назвать это «ресурсным проклятием». Ответ зависит от точного определения этого термина. В литературе обычно «ресурсное проклятие» определяется как зависимость от ренты, получаемой от экспорта природных ресурсов. Поэтому далее будет оцениваться регрессия промышленного роста и роста ВВП на ренту. Но прежде для проверки устойчивости результатом предыдущей модели следует использовать альтернативный подход.

Для проверки устойчивости результатов предыдущей модели используется модель типа VAR. При этом подходе, во-первых, все уравнения являются линейными, во-вторых, все переменные влияют друг на друга. Переменными в модели являются: индекс Сухары, экспорт зерна и логарифм длины железных дорог.

По результатам предыдущей модели рассматриваемые переменные коинтегрированы. Тест Йохансена подтверждает коинтеграцию и показывает, что ранг коинтеграции равен 1 VECM — это корректная спецификация модели VAR при наличии коинтеграции, которая относится к краткосрочным колебаниям переменных вокруг долгосрочного равновесного отношения. Коэффициенты членов коррекции ошибок (ECTs) в каждом уравнении помогают оценить скорость приспособления к долгосрочному равновесию. ECT представляет собой запаздывающее значение остатков, полученных в результате коинтегрирующей регрессии зависимой переменной на регрессорах. Он содержит информацию, полученную из долгосрочных коинтегрирующих отношений.

Оцениваемое уравнение выглядит следующим образом:

$$\begin{aligned} \Delta \text{IndSuhara}_t = & \sum_{i=1}^{m-1} a_i \Delta \text{IndSuhara}_{t-i} + \\ & \sum_{j=1}^{m-1} b_j \Delta \text{GrowthR_GrExp_b}_{t-j} + \sum_{p=1}^{m-1} c_p \Delta \text{LogR_road}_{t-p} + \lambda \text{ECT}_{t-1} + \\ & \varepsilon_t \end{aligned} \quad (2)$$

$$\Delta \text{GrowthR_GrExp_b}_t = \sum_{i=1}^{m-1} d_i \Delta \text{GrowthR_GrExp_b}_{t-i} + \sum_{j=1}^{m-1} h_j \Delta \text{IndSuhara}_{t-j} + \sum_{p=1}^{m-1} g_p \Delta \text{LogR_road}_{t-p} + \delta ECT_{t-1} + \epsilon_t \quad (3)$$

$$\Delta \text{LogR_road}_t = \sum_{i=1}^{m-1} r_i \Delta \text{LogR_road}_{t-i} + \sum_{j=1}^{m-1} e_j \Delta \text{GrowthR_GrExp_b}_{t-j} + \sum_{p=1}^{m-1} w_p \Delta \text{IndSuhara}_{t-p} + \mu ECT_{t-1} + \zeta_t, \quad (4)$$

где IndSuhara — индекс производства Сухара; GrowthR_GrExp_b — темпы роста экспорта зерна; R_road — длина железных дорог (используется логарифм, чтобы сделать первую разность ряда стационарной). Коэффициенты членов коррекции ошибок значимы, таким образом, коинтеграция подтверждается. Построенная модель VECM была проверена на автокорреляцию. Тест показал отрицательный результат. Таким образом, во-первых, видно, что существует долгосрочная связь между экспортом зерна и промышленным ростом. Во-вторых, гипотеза о положительности этой связи не подтвердилась. В-третьих, наблюдается отрицательная связь между отрицательной кумулятивной суммой и промышленным ростом, которую можно интерпретировать как наличие «ресурсного проклятия». В работе выявлены основные каналы, которые в других странах способствовали положительному влиянию аграрного экспорта на экономический рост. Показано, что они не работали в России в исследуемый период в силу институциональной специфики — неразвитости рыночных институтов, наличия общины и низкого спроса крестьян на промышленные товары.

7. Показано, что термин «ресурсное проклятие» применим к ситуации в дореволюционной России. Для проверки гипотезы о связи между ростом ВВП и рентой от экспорта зерна были использованы модели ARDL и NARDL. В качестве зависимой переменной был взят ВВП, а в качестве регрессоров — рента от экспорта зерна, длина железных дорог, логарифм импорта. Все переменные, кроме ренты, не являются стационарными, и поэтому они берутся в первой разности. Переменная рента

стационарна, поэтому не дифференцируется. Соответствующий тест показал отсутствие автокорреляции (Таблица 4).

Таблица 4. Результаты регрессии

=====	
(Intercept)	4497.372**
	(1345.360)
L(diff.GDP, 1)	-0.258
	(0.184)
rent	-67.770*
	(29.873)
L(rent, 1)	-39.865
	(32.020)
diff.R_road.	-0.053
	(0.241)
L(diff.R_road., 1)	-0.398
	(0.244)
diff.log.Import	167.863
	(1288.061)
L(diff.log.Import, 1)	-316.451
	(1253.590)

Источник: составлено автором.

Результаты регрессии показывают значимую отрицательную связь между ростом ВВП и рентой.

Таблица 5. Результаты оценки NARL

=====	
(Intercept)	123.669
	(469.124)
diff.GDP_1	-1.278***
	(0.168)
rent_p	-8.761
	(48.976)
rent_p_1	-64.340
	(60.795)
rent_p_2	-4.401
	(50.279)
rent_n	-80.607*
	(31.106)

Источник: составлено автором.

Также была оценена модель NARDL (Таблица 5). Соответствующий тест показал отсутствие автокорреляции.

Таким образом, видно, что существует значительная несимметричность в отношении роста ВВП и ренты (Таблица 5).

Таблица 6. Результаты оценки взаимосвязи в долгосрочном периоде

=====	
rent_p	-6.854 (38.727)
rent_p_1	-50.340 (45.489)
rent_p_2	-3.443 (39.343)
rent_n	-63.068* (25.227)

Источник: составлено автором.

Таблица 6 показывает, что существует отрицательная долгосрочная связь между отрицательной кумулятивной суммой изменений ренты и ростом ВВП.

Эконометрический анализ показал, что экспорт зерна в дореволюционной России консервировал экономическую отсталость России (в современной литературе данный феномен получил название «ресурсное проклятие»). Это было связано с тем, что рост цен на зерно на мировом рынке было одним из факторов, которые тормозили переток рабочей силы из аграрного сектора в промышленный, а институциональная система (наличие общины, организация торговли зерном), неразвитость финансового сектора и низкая покупательная способность крестьян не позволяли использовать полученные от экспорта ресурсы для модернизации аграрного сектора и развития промышленности. Только в начале XX века ситуация начала постепенно меняться. Это было связано и с появлением необходимой инфраструктуры в период индустриализации Витте, и с началом институциональных изменений в аграрном секторе в результате столыпинских реформ.

8. Эконометрически подтверждена гипотеза Чаянова — Кондратьева об инерционности (нерыночном поведении) крестьянских хозяйств. В работе проводится анализ, позволяющий на эмпирическом уровне сделать выводы относительно влияния специфических российских институтов на социально-экономическое развитие. Гипотеза об инерционности крестьянских хозяйств проверялась на микроуровне и на макроуровне.

Одним из способов эмпирической проверки гипотезы об инерционности крестьянского хозяйства является анализ реакции крестьян на изменение цен на зерно и сравнение этой реакции с реакцией в помещичьих хозяйствах. Анализ был проведен на двух уровнях: на уровне 50 губерний и на уровне уездов Херсонской губернии.

Для проверки гипотезы о разнице эффекта изменения цены на зерно на объем запашки между крестьянскими хозяйствами и хозяйствами помещиков по трем зерновым культурам (рожь, пшеница, ячмень) были построены по две модели панельных данных — для крестьянских хозяйств и для хозяйств помещиков. Предполагается, что если в этих моделях у крестьян и у помещиков получены статистически значимые коэффициенты одного знака при переменной цены, то гипотеза исследования отклоняется, поскольку это явно означало, что у крестьян и помещиков была одинаковая реакция на изменения цены. В случае же если статистически значимые коэффициенты отличались знаком или коэффициент был статистически значим только в одной из моделей (для крестьян либо помещиков), то гипотеза исследования подтверждалась, поскольку это означало, что у крестьян и помещиков была разная реакция на изменения цены.

Базовой моделью для оценки параметров выступала модель панельных данных вида:

$$Y_{it} = \beta_0 + \delta \cdot t + \beta_1 \cdot p_{it} + \gamma \cdot Z_i + \varepsilon_{it}, \quad (5)$$

где Y_{it} — посевные площади соответствующей культуры для крестьян или помещиков для i -й губернии в t -м году (казенных десятин); $i = 1, \dots, 50$ — индекс губернии; $t = 1, \dots, 33$ — индекс времени; p_{it} — цена на

соответствующую культуру осенью (копеек за пуд) для i -й губернии в t -м году или $t-1$ -м году; Z_i — переменная, характеризующая специфические особенности каждой i -й губернии; $\beta_0, \delta, \beta_1, \gamma$ — коэффициенты; ε_{it} — случайная ошибка.

Выбор модели панельных данных с фиксированными эффектами (fixed effects regression) против модели полной регрессии (pooled regression) или модели со случайными эффектами (random effects) проводился на основе соответствующих статистических тестов: тест Хаусмана, тест Бреуша — Пагана, тест на линейное ограничение. Для каждой зерновой культуры и для каждого вида хозяйства (помещиков и крестьян) выбор был сделан в пользу модели с фиксированными эффектами, что соответствовало логичному ожиданию: в каждой губернии был индивидуальный специфический уровень реакции.

В спецификациях уравнений рассматривались лагированные значения объясняющей переменной. Такая эмпирическая стратегия позволяет отразить реактивное поведения крестьянских хозяйств на изменение цены.

Нельзя не отметить, что основная проблема при оценке параметра при переменной цены на культуру — это проблема эндогенности. Классическая причина возникновения эндогенности — невключение в модель существенно влияющих на зависимую переменную регрессоров. В данном случае не стояла задача точно спрогнозировать посевные площади культур по множественной регрессии. Цель была проверить гипотезу инертности крестьянских хозяйств по знаку значимого коэффициента регрессии только независимой переменной цены. Однако, несомненно, на решения домашних хозяйств влияют не только цены на зерновые культуры, но и множество других факторов, в том числе, например, погодные условия. Для решения данной проблемы использовались контрольные переменные, при включении которых в уравнение регрессии подробно анализировались изменение знака коэффициента и его значимости при переменной цены. Несмотря на сильное ограничение выбора переменных из-за доступности данных по

рассматриваемому периоду были построены модели с разными комбинациями контрольных переменных, общий вид спецификаций которых следующий:

$$\tilde{y}_{it} = \beta_0 + \beta_1 \cdot \tilde{p}_{it} + \sum_{j=2}^k \theta_j \cdot \tilde{x}_{it}^{(j)} + \tilde{\varepsilon}_{it}, \quad (6)$$

где $\tilde{x}_{it}^{(j)}$ — значения j -й контрольной переменной в отклонениях от средней по губернии: x_1 — урожайность с одной казенной десятины земель помещиков или крестьян соответствующей культуры (пудов); x_2 — численность населения в губернии в селах (тыс. чел.); x_3 — численность населения в губернии в городах (тыс. чел.); x_4 — бинарная переменная урожайный ли был год или нет в губернии; θ_j — коэффициент при j -й контрольной переменной.

Рассматривая уравнения (5)–(6), можно предположить, что цена и объем выпуска сельских хозяйств являются эндогенными переменными, определяемыми в результате взаимодействия двух уравнений: спроса и предложения. Для решения данной проблемы использовалась динамическая модель для панельных данных, где лагированные переменные выступают в качестве инструментальных переменных.

Из всех построенных моделей в рамках обозначенных выше спецификаций для проверки гипотезы инерционности крестьянских хозяйств на макроуровне значимый результат был получен для двух семейств моделей: модели зависимости посевных площадей ржи для крестьян и модели зависимости посевных площадей всех видов зерна для помещиков. В определенной степени это можно объяснить тем, что у крестьян основной посевной культурой являлась рожь, так как главной целью крестьянского хозяйства было удовлетворение собственных потребностей. Пшеница для крестьян была относительно дорогой, поэтому они потребляли преимущественно изделия из ржаной муки и, соответственно, основной культурой для посевов у крестьян была рожь.

Для крестьян в модели по уравнению (6) мы получили отрицательный коэффициент регрессии при цене, однако он оказался статистически незначимым (Модель 2 в Таблице 7). После ввода в уравнение цены, оцененной через инструментальную переменную, получен также отрицательный коэффициент регрессии, значимый на уровне 0,05 (Модель 3 в Таблице 7).

Таблица 7. Результаты оценки коэффициентов моделей зависимости посевной площади ржи для крестьян на макроуровне

Переменные	Модель 1 базовая	Модель 2 с контрольными переменными	Модель 3 с контрольными переменными и лаговой инструментальной переменной
Цена на рожь с лагом 1 год	-76,68 [56,85]	-61,54 [59,00]	-189,43* [89,51]
Урожайный год		1671,38 [2594,69]	2879,00 [2439,53]
Численность населения в губернии в селах		-0,97 [1,00]	-0,72 [1,02]
Период			22 337,5 [12 368,3]
Период*Цена			-278,15 [170,20]
p-значение			
F-тест на значимость уравнения	0,178	0,358	0,030
Тест на линейное ограничение	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Бреуша — Пагана	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Хаусмана	<0,001	<0,001	<0,001

* Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,05$.

Источник: составлено автором.

Для всех моделей результаты статистических тестов на линейные ограничения, теста Бреуша — Пагана и теста Хаусмана подтвердили правильность выбора модели с фиксированными эффектами по сравнению с моделью со случайными эффектами или полной регрессии.

Из полученных оценок коэффициентов рассматриваемых моделей для крестьян можно предположить, что крестьяне с повышением цены, скорее всего, были склонны сокращать посевные площади ржи. Для помещиков наблюдается для всех моделей положительный значимый коэффициент регрессии (Таблица 8): с повышением цены помещики реагировали увеличением посевных площадей пшеницы, то есть действовали как капиталистические агенты согласно принципу максимизации прибыли. Таким образом, подтвердилась гипотеза о различии в реакции на рост цен на зерно между крестьянскими хозяйствами и хозяйствами помещиков.

Таблица 8. Результаты оценки коэффициентов моделей зависимости посевной площади пшеницы для помещиков на макроуровне

Переменные	Модель 1 базовая	Модель 2 с контрольными переменными	Модель 3 с контрольными переменными и лаговой инструментальной переменной
Цена на пшеницу с лагом 1	336,14*** [336,14]	338,77*** [86,20]	2725,20*** [262,76]
Урожайный год		-21101,60*** [6233,54]	-16 390,8** [5766,22]
Численность населения в губернии в селах		4,13 [2,60]	-0,69 [2,42]
p-значение			
F-тест на значимость уравнения	<0,001	<0,001	<0,001

Продолжение Таблицы 8.

Тест на линейное ограничение	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Бреуша — Пагана	<0,001	<0,001	<0,001
Тест Хаусмана	<0,001	<0,001	<0,001

** Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,01$.

*** Коэффициент регрессии значим на уровне $p \leq 0,001$.

Источник: составлено автором.

Аналогичный анализ был проведен на данных по Херсонской губернии. Оба этапа исследование показали, что крестьяне в среднем сокращают посевные площади в ответ на рост цен на зерно. Это можно объяснить тем, что для крестьян целью было удовлетворение определенного уровня потребностей, при достижении которого они предпочитали сокращать трудовые издержки, а не увеличивать прибыльность хозяйства. Этот результат подтверждает, что для крестьян, несмотря на развитие в России рыночных отношений, рост городов и соответственно спроса на продовольствие, основным мотивом хозяйственной деятельности оставалось удовлетворение собственных потребностей на привычном базовом уровне, а не увеличение прибыли.

9. Значительное ускорение процесса расслоения российских крестьян в период после столыпинской аграрной реформы являлось важным фактором изменения российской социально-экономической системы. В работе проверяется гипотеза о том, что после столыпинской реформы начавшееся разрушение общины и расширение частной собственности на землю вели к росту неравенства среди крестьян. При определенных обстоятельствах это могло способствовать развитию, но в рамках традиционного общества вело к нарушению сложившегося уклада и соответствующим негативным социальным последствиям.

Из проведенного анализа видно, что в России индекс Джини среди крестьянства только за период от первой до второй переписи, который в

разных губерниях составлял от 10 до 12 лет, вырос в среднем в 1,47 раза. Если рассматривать данные по отдельным губерниям, то видно, что рост дифференциации был исключительно резким: в 1,36 раза в Вятской губернии, в 1,58 раза в Новгородской, в 1,39 раза в Саратовской, в 1,9 раза в Орловской, в 1,88 раза в Смоленской губернии.

В большинстве европейских стран ситуация была принципиально иной. Так, например, в Швеции коэффициент Джини по доходам крестьянских хозяйств вырос в 1,58 раза за 150 лет (1750–1900), причем этот рост происходил с примерно равной и, что важно, замедляющейся скоростью: с 1750 по 1800 г. индекс Джини увеличился в 1,26 раза, с 1800 по 1850 г. — в 1,15 раза, с 1850 по 1900 г. — в 1,09 раза⁸.

Для проверки гипотезы о влиянии столыпинской реформы на неравенство было рассмотрено влияние изменения количества общинных земель на изменение индекса Джини. Количество общинных земель в губернии до столыпинской реформы принималось по состоянию на 1905 г.⁹ Переменная за период после реформы рассчитывалась как разница между количеством общинных земель в губернии в 1905 г. и количеством земель, переданных в индивидуальное (частное) пользование в 1907–1915 гг.¹⁰ Индекс Джини был рассчитан на основе общей площади земли. Из-за отсутствия данных о распределении земли по всем провинциям мы имеем индекс Джини за оба периода только для 17 провинций. С учетом наличия двух периодов имеем 34 наблюдения.

Индекс Джини берется как зависимая переменная, измеряемая в двух периодах (Y_{it}). В качестве независимой переменной был взят показатель площади общинной земли на одно хозяйство в десятинах за два временных периода (X_{it}).

⁸ Bengtsson E., Svensson P. The wealth of the Swedish peasant farmer class 1750–1900: Composition and distribution // Lund Papers in Economic History. General Issues. 2018. No. 177.

⁹ Статистика землевладения 1905 г. Свод данных по 50 губерниям Европейской России. СПб.: Изд. ЦСК МВД, 1907.

¹⁰ Огановский Н. П. Закономерность аграрной эволюции. Ч. 1. Теории капиталистического развития. Общий ход и фазисы аграрной эволюции. Саратов: Сотрудничество, 1909; Чаянов А. В. Организация крестьянского хозяйства. М.: Акад. проект, 2015.

Сначала оценивается объединенная регрессия за два периода, оценивая параметры с помощью метода наименьших квадратов (МНК) (Таблица 9).

Таблица 9. Результаты сводной регрессии для двух периодов

Переменные	Коэффициенты	Ст. ошибка	t-статистика	p-value
Константа	0,366	0,036	10,289	0,000
X — общинная земля на домохозяйство	−0,003	0,003	−0,956	0,346

Примечание: коэффициент детерминации $R^2 = 0,028$; количество наблюдений $n = 34$; F-статистика 0,914; стандартная ошибка оценки $S = 0,083$.

Источник: составлено автором.

Коэффициент для переменной общинных земель оказался незначимым. На первый взгляд, можно сделать вывод, что преобладание общинных земель не повлияло на степень дифференциации крестьян. Однако поскольку есть данные, относящиеся к разным периодам, имеет смысл проверить наличие структурного сдвига, подразумеваемого столыпинской реформой. Предполагается, что структурный сдвиг характеризуется изменением не только уровня, но и наклона. Поэтому изменим расчетное уравнение, включив в него фиктивную переменную, принимающую значение «1» для пореформенного периода.

Общая спецификация уравнения с учетом взаимодействия влияния фактора и времени может быть записана следующим образом:

$$y_i = b_0 + b_1 z_i + b_2 x_i + b_3 x_i z_i. \quad (7)$$

Таким образом, получаем два частных уравнения регрессии для каждого периода — до и после столыпинской реформы:

$$\text{если } z = 1, y_i = (b_0 + b_1) + (b_2 + b_3) x_i, \quad (8)$$

$$\text{если } z = 0, y_i = b_0 + b_2 x_i. \quad (9)$$

Результаты расчета приведены в Таблице 10. Как и ранее был получен незначимый коэффициент регрессии для переменной x , но в то же время статистически значимый коэффициент для фиктивной переменной z , а также переменной взаимодействия x и z . Это означает, что произошло существенное

изменение неравенства после столыпинской реформы и что количество общинных земель стало существенно влиять на неравенство после реформы. Отрицательный знак коэффициента показывает, что чем больше общинных земель, тем ниже степень неравенства крестьян.

Коэффициент регрессии при фиктивной переменной показывает, что после столыпинской реформы коэффициент Джини в среднем увеличился на 0,204. Коэффициент при переменной взаимодействия показывает, что после столыпинской реформы увеличение общинных земель на 1 десятину в расчете на домохозяйство в среднем приводил к уменьшению коэффициента Джини на 0,015 единицы. За счет совокупного влияния общинных земель и столыпинской реформы можно объяснить изменение около 31% индекса Джини.

Таблица 10. Результаты регрессии с фиктивной переменной времени

Переменные	Коэффициент	Ст. ошибка	t-статистика	p-value
Константа	0,262	0,043	6,096	0,000
X — общинная земля на домохозяйство	0,003	0,004	0,895	0,378
Z — фиктивная переменная, период до и после столыпинской реформы	0,204	0,069	2,981	0,006
X*Z — эффект взаимодействия фактора и фиктивной переменной	-0,015	0,007	-2,067	0,047

Примечание: коэффициент детерминации $R^2 = 0,309$; количество наблюдений $n = 34$; F-статистика 4,468; стандартная ошибка оценки $S = 0,072$.

Источник: составлено автором.

Подтверждение гипотезы об ускоренном росте неравенства в России позволяет сделать предположение, что рост неравенства среди крестьянских

хозяйств был одной из важнейших причин победы «красных» в гражданской войне. Россия, где долгое время преобладали общинные социальные традиции равенства, столкнулась с очень быстрой, ускоренной в сравнении с другими странами, трансформацией традиционного общества, которая вела к росту неравенства. Особенно важным было усиление неравенства внутри крестьянства, составлявшего более 80% населения. В течение одного поколения бывшие соседи, имевшие примерно одинаковое социально-экономическое положение, оказывались на разных полюсах социальной лестницы, с чем очень сложно было смириться психологически. Эта ситуация вела к радикализации большинства, которое оказалось внизу быстро менявшегося общества. Резкое расслоение среди крестьянства, в котором долгое время культивировались идеи равенства материального уровня (законы общины предполагали помощь бедным, а богатым было предписано делиться), создавало острое ощущение несправедливости, неправильности происходящих изменений. Столыпинская реформа рушила не только правовые основы общины, но и ту картину мира, на которой последние веками строилась. Поэтому, когда появились силы, готовые вернуть утраченные ценности, крестьянство стало на их сторону. Подробное рассмотрение данной гипотезы и особенно ее эконометрическая проверка может быть основой для дальнейших исследований.

Выводы

Таким образом, специфика эволюции аграрного сектора в конце XIX — начале XX века заключается в том, что институциональная система России в тот период характеризовалась отсутствием баланса между институтами стабильности и институтами развития, то есть одновременным действием разнонаправленных с точки зрения развития рыночных отношений трендов.

С одной стороны, после столыпинской реформы сохранялись общинная форма собственности и нечеткие права собственности крестьян на землю. Традиционной оставалась система ценностей и мотивации у крестьян, выражавшаяся в нерыночном поведении, стремлении обеспечить

традиционный уровень дохода вместо максимизации прибыли и архаичной структуре потребления, предполагавшей низкий уровень потребления услуг (культурных, образовательных, бытовых, юридических) и новых товаров. Большая часть крестьянства не была готова рисковать, пытаясь изменить традиционные формы хозяйствования на более продвинутые. То есть сложившийся за века уклад устойчиво противостоял развивающимся рыночным институтам даже после столыпинской реформы.

Инерционным крестьянским хозяйствам противостояли капиталистически ориентированные частные хозяйства, среди которых были дворянские, купеческие и хуторские хозяйства. Но земли дворянства сокращались, большую часть дворянских земель покупали крестьяне, что вело к ситуации, когда крестьяне, не вышедшие на хутора, владели одновременно землями на надельном праве и частном праве. Традиционная система ценностей крестьянства вела к тому, что процессы модернизации были замедленными в хозяйствах, располагавшихся и на надельной, и на купленной земле.

При этом наличие большого количества земли, пригодной для земледелия (в неевропейской части России), строительство железных дорог, позволяющих использовать для освоения сравнительно отдалённые регионы, а также наличие емкого внешнего рынка удерживали (консервировали) ресурсы в аграрном секторе, поскольку возможности экстенсивного развития оказывались более выгодной альтернативой интенсификации. Возможности доходного экспорта самого простого продукта — зерна тормозили перемещение ресурсов в отрасли с более высокой добавленной стоимостью как в самом аграрном секторе (животноводство, переработка зерна и др.), так и за его пределами (в промышленность). Эта проблема отягощалась негибкостью институциональной системы и, соответственно, низкой как горизонтальной, так и вертикальной мобильностью населения, низкой адаптивной способностью населения к изменениям, связанным с переходом к капиталистической системе хозяйствования.

С другой стороны, правительство, заинтересованное в ускорении экономического развития и модернизации, проводило реформы, стимулирующие развитие рыночных институтов (реформы Витте, реформы Столыпина), побочным эффектом которых было усиление крестьянского неравенства, которое ранее государство искусственно сдерживало консервацией общины. До столыпинской реформы государство законодательно ограничивало выход из общины, удерживая тем самым крестьян в аграрном секторе. В результате аграрной реформы Столыпина у крестьян появилась возможность выйти из общины и уехать, но большинство покинувших свою деревню уезжали не в города, а в другие регионы, оставаясь в рамках аграрного сектора, что было возможным благодаря обилию земельных ресурсов в неевропейской части Российской империи.

Рост неравенства, особенно среди крестьянства, и связанные с этим негативные социально-психологические последствия не сопровождались институциональными изменениями, необходимыми для смягчения этих негативных последствий. Эта ситуация мешала россиянам начала XX века адаптироваться к происходящим рыночным изменениям, увидеть в них не только разрушение привычного уклада жизни, но и новые возможности.

Таким образом, в дореволюционной России возникла ситуация консервации институтов стабильности при очень быстром росте институтов развития, что привело к разбалансировке «старой» институциональной системы и несоответствию складывающейся «новой» институциональной системы географическому фактору (обширные территории) и технологическому фактору (отсутствие массового перехода к новым технологиям в аграрном секторе, низкая плотность транспортной инфраструктуры, в частности железных дорог).

Институциональные особенности российского аграрного сектора в рассматриваемый период заключались:

- в особой роли государства в трансформации институтов аграрного сектора, неоднозначно влиявшей на социально-экономическое развитие;
- в наличии большого разнообразия форм собственности на землю, которое разнонаправленно влияло на модернизацию аграрного сектора;
- в значительном разнообразии регионов, имевших географические, климатические и институциональные особенности;
- в устойчивости системы ценностей основной массы населения — крестьянства, характерной для традиционного общества;
- в наличии большого количества земли, пригодной для земледелия (в неевропейской части России), а также емкого внешнего рынка, что удерживало (консервировало) ресурсы в аграрном секторе;
- в резком ускорении роста неравенства внутри крестьянства, что неоднозначно влияло на модернизацию аграрного сектора;
- в отсутствии сбалансированности институтов стабильности и институтов развития.

Пути дальнейших исследований

Наши результаты согласуются с основными выводами различных работ по «ресурсному проклятию», демонстрируя отсутствие какой-либо положительной связи между экспортом ресурсов и экономическим ростом. Однако этот вывод не подтверждает идеи Е. Барбье, утверждавшего, что вклад природных ресурсов в экономический рост в период после 1950 г. был меньше, чем в период до 1914 г. Причины этого требуют дальнейшего исследования.

Полученные результаты можно сопоставить с результатами исследования «ресурсного проклятия» в современной России. Это сопоставление открывает интересные перспективы для анализа зависимости от траектории предшествующего развития, исследования устойчивости и

влияния исторически сложившихся институтов на социально-экономическое развитие страны.

Еще одним перспективным направлением будущих исследований является детальное изучение влияния, нараставшего в предреволюционный период внутрикрестьянского неравенства на исход Гражданской войны в России. Можно предположить, что специфика процесса роста неравенства в разных странах как минимум имеет отношение к ходу и исходу соответствующих гражданских войн. Однако на данном этапе это остается только гипотезой, и, безусловно, необходимы дополнительные исследования.

III. Список работ, опубликованных по теме диссертации

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных для защиты в диссертационном совете МГУ имени М.В. Ломоносова по специальности и отрасли наук, в том числе:

статьи по теме диссертации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в наукометрической базах данных Scopus и Web of Science:

1. Розинская Н. А., Бородкин Л.И., Артамонов Д.В. Опыт использования количественных методов для оценки неравенства крестьян в дореволюционной России (анализ микроданных) // Terra Economicus. 2024. Т. 22, № 4. С. 34–49. (1,45 п. л. – общий объем/1 п. л. – личный вклад) (Scopus Q1, SJR — 0,260);
2. Розинская Н. А. Эволюция аграрного сектора в предреволюционной России: региональный аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2024. Т. 29, № 5. С. 137–152. (1,3 п. л.) (Scopus Q1, SJR — 0,250);
3. Rozinskaya N., Arkhina A., Artamonov D. Impact of grain export on the Russian Empire's industrial development in the late nineteenth and early twentieth centuries // Scandinavian Economic History Review. 2024. Published online: 22 Jul 2024. Doi:10.1080/03585522.2024.2373759. (1,77 п. л. /1,1 п. л.) (Scopus Q1, SJR – 0,512);
4. Розинская Н. А., Дробышевская Т. А. Количественные оценки межпоколенческой мобильности // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 5 (57). С. 93–111. (1,4 п. л. /1 п. л.) (Scopus Q3, SJR — 0,210);
5. Мальцев А.А., Розинская Н.А. Теория без измерений, или Некоторые штрихи к творческому портрету Дугласа Норта // Journal of Institutional Studies. 2021. Т. 13, №4. С. 71–90. (1,7 п. л. / 0,4 п. л.) (JCI — 0,180);
6. Rozinskaya N., Sorokin A., Artamonov D. Peasants' inequality and stratification: evidence from pre-revolutionary Russia // Scandinavian Economic History Review. 2021. Т. 69, № 3. Р. 243–277. (Published online: 23 Dec 2020). Doi:10.1080/03585522.2020.1830166. (2,3 п. л. / 1,3 п. л.) (Scopus Q1, SJR – 0,512);
7. Розинская Н. А., Сорокин А. С. От количественных к цифровым методам исследований в экономической истории // Journal of Institutional Studies. 2019. Т. 11, №1. С. 115–128. (1,1 п. л. / 0,7 п. л.) (JCI — 0,180);
8. Розинская Н. А. Причины различий в динамике экономического роста в Португалии и Голландии в XV–XVII вв. в свете институциональных теорий // Journal of Institutional Studies. 2017. Т.9, №1. С. 39–50. (1 п. л.) (JCI — 0,180);
9. Розинская Н. А., Розинский И. А. Сквозь призму Испании. Социально-экономические причины различного исхода гражданской войны в России

и Испании // Вопросы экономики. 2017. № 1. С. 142–155. (1,2 п. л. /0,5 п. л.) (Scopus Q1, SJR — 0,312);

10. Розинская Н. А., Розинский И. А. Национальный проект «Доверие» // Вопросы экономики. 2015. № 12. С. 138–146. (1 п. л. /0,4 п. л.) (Scopus Q1, SJR — 0,312);

статьи по теме диссертации в рецензируемых научных изданиях, индексируемых в наукометрической базе данных Russian Science Citation Index (RSCI):

11. Розинская Н.А. Петровские реформы в аграрном секторе: достигнутые результаты и непреднамеренные последствия // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 2. С. 126–146. (1,3 п. л.) (ИФ РИНЦ — 0,812);

12. Дробышевская Т. А., Розинская Н. А. Субъективное восприятие неравенства: этапы, методология, задачи современных исследований. // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2022. № 4. С. 209–228. (1,3 п. л. / 0,4 п. л.) (ИФ РИНЦ — 0,812);

статьи по теме диссертации в рецензируемых научных изданиях, утвержденных Ученым Советом МГУ имени М.В. Ломоносова по экономическим специальностям:

13. Розинская Н. А. Концепция институционального конструктора // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. 2024. Т. 16, № 4 (54). С. 7–21. (1,1 п. л.) (ИФ РИНЦ — 0,607);

14. Розинская Н. А. Эволюция концепции «аграрной революции» // Вопросы политической экономии. 2024. № 3. С. 169–182. (1,15 п. л.) (ИФ РИНЦ — 1,040);

15. Розинская Н. А. Оценка перехода России к обществу современного экономического роста в дореволюционный период // Философия хозяйства. 2024. № 5 (155). С. 144–165. (1 п. л.) (ИФ РИНЦ — 0,320).

Публикации в иных научных рецензируемых изданиях, статьи в сборниках, учебные пособия:

16. Розинская Н.А., Чаплыгина И.Г., Сорокин А.С. Инертность крестьянских хозяйств Европейской России во второй половине XIX — начале XX вв.: статистический анализ данных о посевных площадях и товарности хлеба // Историческая информатика. 2024. № 4 (50). С. 78–104. (1,5 п. л. /1 п. л.) (ИФ РИНЦ — 0,443);

17. Розинская Н. А. Истоки современного экономического роста: Европа или Азия. // Экономическая история. 2016. №2 (33). С. 48–55. (0,7 п. л.) (ИФ РИНЦ — 0,175);

18. Розинская Н. А. Истоки современной экономической системы: Англия или Голландия // Journal of Institutional Studies. 2015. Т. 7, № 3. С. 50–63. (1,1 п. л.) (JCI — 0,180);

19. Розинская Н. А. Влияние «сухого» закона на благосостояние населения во время Первой мировой войны. // Экономическая история. 2014, № 3 (26). С. 31–36. (0,5 п. л.) (ИФ РИНЦ — 0,175);

20. Розинская Н. А. Становление российского бюджетного законодательства. // Финансы, 2009, № 2. С.70-74. (0,4 п. л.) (ИФ РИНЦ — 0,7);
21. Розинская Н. А. Обзор внешнеэкономической деятельности Российской империи в конце XIX — начале XX в. // Истоки: альманах / Национальный исследовательский университет "Высшая школа экономики". Экономика — «мрачная» наука? М.: ГУ ВШЭ, 2019. С. 303–314. (43,65 п. л. /1 п. л.);
22. Розинская Н. А. Институты стабильности и институты развития // Сборник по материалам Ежегодной научной конференции НЭА «Междисциплинарные исследования экономики и общества». М., 2014. С. 62–72. (21 п. л. /1 п. л.);
23. Розинская Н. А. История государственных финансов России IX — начала XX в.: учебное пособие. Москва: ТЕИС, 2016. 240 с. ISBN 978-5-7218-1398-6. (15 п. л.);
24. Слудковская М. А., Розинская Н.А. Развитие западной экономической мысли в социально-политическом контексте: учебное пособие для студентов высших учебных заведений, обучающихся по экономическим специальностям. Москва: Проспект, 2016. 220 с. ISBN 978-5-392-20618-6. (14 п. л. /6 п. л.);
25. Модернизация хозяйства и становление рыночных отношений в Западной Европе (XIII–XIX века): учебное пособие / под ред. С. И. Невского, Н. А. Розинской и А. Г. Худокормова. Москва: Перо, 2016. 333 с. ISBN 978-5-906883-93-3. (Розинская Н.А.: главы 2, 3, 4) (20,625 п. л. /3,2 п. л.).